

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 164–171.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 164–171.

Научная статья

УДК 343.546

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОНУЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Николай Андреевич Конорезов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Konorezov@list.ru

Аннотация. Уголовно-правовая охрана половой свободы и половой неприкосновенности личности не является последовательной и полной. Единственным половым преступлением, не связанным с реальным нарушением половых отношений, является понуждение к действиям сексуального характера. Однако в правоприменительной практике нередко имеет место такое понуждение к действиям сексуального характера, которое сопряжено с фактическим осуществлением сексуальных действий с жертвой. Такие ситуации, с одной стороны, выходят за рамки состава понуждения, с другой стороны, не образуют иного преступления. В этой связи в доктрине уголовного права широко распространена позиция о необходимости дополнительной квалификации результативного понуждения лица младше 16 лет по ст. 134 и ст. 135 УК РФ. В статье приводятся аргументы против такого подхода и предлагается обеспечить необходимый запрет посредством дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ.

Ключевые слова: половые преступления, понуждение к действиям сексуального характера, преступление против половой неприкосновенности личности, результативное понуждение.

Для цитирования: Конорезов Н. А. Проблемы квалификации понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характера // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 164–171.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

Original article

PROBLEMS IN ASSESSING THE COERCION OF A MINOR TO ACTS OF A SEXUAL NATURE

Nikolai A. Konorezov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Konorezov@list.ru

Abstract. The criminal-legal protection of sexual freedom and sexual inviolability of the person is not consistent and complete. The only sexual crime that is not related to the actual violation of sexual relations is coercion to actions of a sexual nature. However, in law enforcement practice, it is not uncommon to see coercion of a sexual nature that involves the actual performance of sexual acts with the victim. Such situations, on the one hand, fall outside the scope of coercion, and, on the other hand, do not constitute another crime. In this connection, in the doctrine of criminal law, the position on the need to further qualify the resulting coercion of a person under the age of 16 years under Article 134 and Article 135 of the Criminal Code of the RF is widely accepted. The article argues against such approach and proposes to provide the necessary prohibition by means of differentiation of criminal responsibility within the framework of art. 133 of the Criminal Code of the RF.

Keywords: sexual crimes, coercion to acts of a sexual nature, crime against the sexual inviolability of the person, effective coercion.

For citation: Konorezov N. A. Problems in assessing the coercion of a minor to acts of a sexual nature // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 164–171. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

Уголовно-правовая оценка понуждения несовершеннолетнего к действиям сексуального характера вызывает различные вопросы, одни из которых получили широкое освещение в специальной литературе, другие же остались без должного научно-правового анализа. В частности, до настоящего времени не получила научно обоснованного решения проблема квалификации результативного понуждения к действиям сексуального характера лиц, не достигших 16-летнего возраста.

Чтобы разрешить эту проблему, необходимо предварительно определить характер преступления, предусмотренного ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно – ответить на вопрос о возможности отнесения его к категории насильственных деяний. Надо признать, что на поставленный вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности со стороны жертвы, что свидетельствует о насилии. С другой стороны, понуждение лишено того

насильственного признака, который свойственен изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера.

Подобная неопределенность прослеживается и в юридической литературе. Одни специалисты (А. А. Игнатов, А. А. Бимбинов) относят рассматриваемое деяние к группе насильственных половых преступлений [1, с. 3; 2, с. 167]. Другие учёные (Е. А. Котельникова, А. А. Байбарин) считают, что понуждение к действиям сексуального характера лишено насильственного признака [3, с. 9; 4, с. 73], что, надо признать, отвечает пониманию Пленумом Верховного Суда РФ содержания насилия в половых преступлениях. Последнее раскрывается через применение действий, связанные с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы (а также угрозой физического насилия).

В этом теоретическом споре более предпочтительным выглядит первый подход, поскольку все способы понуждения суть проявления психического насилия [5, с. 20]. В этой связи понуждение к действиям сексуального характера следует отнести к насильственным половым преступлениям, поставив его в один ряд с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

Нельзя отрицать, что обозначенные деяния сопровождаются воздействием на другого человека для формирования вынужденного согласия на вступление в половую связь, для подавления несогласия потерпевшего. Физическое насилие или угроза им в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, и психическое насилие в составе преступления, предусмотрено ст. 133 УК РФ, направлены на достижение идентичной цели, состоящей в получении вынужденного согласия жертвы или подавления её несогласия на вступление в половые отношения (совершение действий сексуального характера). В этом заключается принципиальное отличие понуждения к действиям сексуального характера от ненасильственных половых преступлений (ст. 134 и ст. 135 УК РФ), которые предполагают добровольность половых отношений.

Признание понуждения насильственным половым преступлением позволяет более полно рассмотреть проблему уголовно-правовой оценки результативного понуждения к действиям сексуального характера лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Так, если квалификация понуждения при фактическом совершении виновным сексуальных действий с жертвой старше 16 лет исчерпывается квалификацией по ст. 133 УК РФ, то при результативном понуждении лица младше 16 лет учёными предлагается иной подход.

Многие учёные настаивают на том, что фактическое выполнение действий, к которым понуждается ребенок до 16 лет, содержит признаки состава преступления, запрещённого ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ [6, с. 18]. Соответствующие рекомендации предложены в комментариях к уголовному закону под ред. А. И. Рарога [7], Г. А. Есакова [8] и др. В итоге, по мнению специалистов, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 и ч. 1 ст. 134 (или ч. 1 ст. 135) Уголовного кодекса РФ.

Впрочем, в юридической литературе встречаются и иные оценки результативного понуждения к действиям сексуального характера. Например, профессор А. Н. Попов указывает, что достижение результата виновным охватывается составом понуждения, хотя и не является его обязательным признаком [9, с. 76]. Здесь же важно подчеркнуть отсутствие в объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ, признаков насилия, «направленного на совершение действий сексуального характера помимо или вопреки воле потерпевшего» [10, с. 179]. Как следствие, названные преступления, в отличие от насильственных половых преступлений, совершаются в отсутствие какого-либо влияния со стороны взрослого лица, то есть по добровольному согласию жертвы. В этой связи представляется спорным оценивать совершение сексуальных действий, выполненных по причине понуждения жертвы, в качестве ненасильственных половых преступлений.

Указанное различие заложено законодателем в разграничение насильственных и ненасильственных половых преступлений. Следовательно, нет оснований для отождествления, с одной стороны, совершения взрослым сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, по обоюдному согласию при наличии явно выраженной воли несовершеннолетнего на соответствующие действия, и с другой стороны, всех указанных действий, совершённых по причине применённого психического насилия (понуждения) к несовершеннолетней жертве.

Квалификация результативного понуждения ребенка к действиям сексуального характера исключительно в качестве преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, отвечает и характеру, и степени общественной опасности понуждения. К такому выводу приводит сравнительный анализ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за половые преступления: понуждение несовершеннолетнего (несовершеннолетней) к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера наказывается лишением свободы на срок *до 5 лет* (ч. 2 ст. 133 Уголовного кодекса РФ); половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок *до 4 лет* (ч. 1 ст. 134 УК РФ); мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершённые лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок *до 6 лет* (ч. 2 ст. 134 УК РФ); совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок *до 3 лет* (ч. 1 ст. 135 УК РФ).

Законодатель рассматривает данные посягательства не только как сопоставимые, но и указывает на большую общественную опасность понуждения к действиям сексуального характера в сравнении с добровольным фактическим осуществлением этих действий. Это подтверждает избыточность квалификации последствий понуждения

по совокупности с преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ. При этом мы не видим оснований для придания определяющего значения разнице в санкциях. В противном случае возникнет абсурдная ситуация: результативное понуждение к мужеложству или лесбиянству требовалось бы квалифицировать по совокупности, а результативное понуждение к половому сношению – только по ст. 133 УК РФ, что видится несправедливым и некорректным. Как следствие, нет достаточных правовых оснований для разнонаправленной квалификации указанных действий в случае результативного понуждения к ним. При этом повышенная общественная опасность понуждения по признаку результативности должна служить основанием для дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ, что требует конструирования соответствующего квалифицирующего признака.

С учётом вышеизложенного, необходимо констатировать, что результативное понуждение потерпевшего, не достигшего 16 лет, к действиям сексуального характера не требует дополнительной квалификации по ст. 134 или ст. 135 УК РФ, поскольку согласие на совершение действий сексуального характера, полученное в результате понуждения, является вынужденным, а не добровольным.

В рамках уголовно-правовой оценки понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характера возникает ещё одна проблема, связанная с неопределённостью возрастных признаков субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения. Напомним, что ответственность по ч. 1 ст. 133 УК РФ, которая предполагает взрослого потерпевшего, наступает с 16 лет. Преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ, совершаются в отношении несовершеннолетних потерпевших, что по логике уголовно-правового регулирования не может не влиять на возрастные характеристики субъекта квалифицированного и особо квалифицированного составов понуждения.

Дело в том, что при выделении несовершеннолетнего в качестве специального потерпевшего, субъектом преступления признаются лишь те лица, которые достигли совершеннолетия (подтверждением чему служат известные законодательные конструкции ст. 150 и ст. 151 УК РФ). Повышенный возрастной порог субъекта преступления (лицо, достигшее 18 лет) прямо установлен в диспозиции указанных уголовно-правовых норм. Совершение данных преступлений несовершеннолетним против несовершеннолетних исключено по определению.

Однако в ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ указание на совершеннолетие субъекта преступления отсутствует. А потому нет никаких формально-юридических препятствий для того, чтобы признавать субъектом квалифицированного и особо квалифицированного составов понуждения лиц в 16–17-летнем возрасте.

Обоснованность такого законодательного решения вызывает серьезные сомнения. Если к действиям сексуального характера понуждает 16-летний, а в качестве потерпевшего выступает его сверстник или старший по возрасту подросток

(17-летний), то степень общественной опасности содеянного явно не выходит за рамки «простого» понуждения, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ. К сожалению, эти вопросы и вообще анализ субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера (то есть понуждения несовершеннолетних) незаслуженно обходят стороной, проблема не поднимается и на страницах юридической печати.

Не даёт однозначных ответов и правоприменительная практика. Во-первых, умалчивает об этих особенностях конструкции состава преступления высшая судебная инстанция в своих разъяснениях по вопросам квалификации половых преступлений. Во-вторых, известна не только практика судов первой инстанции, но и апелляционная практика признания правомерным привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, несовершеннолетнего лица. К примеру, Ставропольский краевой суд в своем апелляционном постановлении оставил в силе приговор, которым несовершеннолетний подросток был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, то есть за понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетней [11].

Разрешить данную ситуацию можно путём внесения необходимых дополнений в текст уголовного закона (что представляется наиболее оптимальным способом) или посредством формулирования соответствующих частных правил квалификации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [12, с. 89–90]. Определённость в этом вопросе является крайне важной, потому что едва ли отвечает смыслу уголовно-правового запрета на совершение понуждения к сексуальным действиям в отношении несовершеннолетних привлечение к уголовной ответственности за совершение квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления несовершеннолетних же лиц.

При дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ необходимо учесть достаточно широкий диапазон возраста несовершеннолетнего потерпевшего, который может варьироваться в границах от 12 до 17 лет. Очевидно, что совершённое 16-летним подростком понуждение к действиям сексуального характера 17-летнего и 12-летнего потерпевшего существенно отличается по степени общественной опасности. В первом случае содеянное должно подлежать оценке по ч. 1 ст. 133 УК РФ, а во втором случае – в качестве квалифицированного (или особо квалифицированного) состава понуждения. Для этого нужно внести коррективы в текст уголовного закона, где при дифференциации уголовной ответственности за понуждение предусмотретьотягчающий признак потерпевшего более полно: совершение понуждения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Но в особо квалифицирующем признаке совершения по-

нуждения в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцати лет, такую оговорку делать не стоит, так как субъектом здесь вполне обоснованно признавать и лицо в возрасте 16 лет.

Список источников

1. Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. 207 с.
2. Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления: монография. М. : Проспект, 2017. 208 с.
3. Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2007. 31 с.
4. Байбарин А. А. Половые преступления : учебное пособие. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. 110 с.
5. Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 20–24.
6. Изотова М., Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. № 4. С. 15–21.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011. 824 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов и др.; под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 816 с.
9. Попов А. Н. О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72–78.
10. Цэнгэл С. Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2005. 220 с.
11. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC>.
12. Ображиев К. В. Правила квалификации преступлений и внешние формы (источники) их выражения // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 85–92.

References

1. Ignatova A. A. Criminal liability for non-violent attacks on the sexual integrity of persons under the age of sixteen: Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2015. 207 p.
2. Bimbinov A. A. Non-violent sexual crimes: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 208 p.
3. Kotelnikova E. A. Violent attacks on sexual freedom and sexual inviolability: criminal law characteristics and qualification problems. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Nizhny Novgorod, 2007. 31 p.
4. Baybarin A. A. Sexual crimes: a textbook. Kursk: South-West. Stat. Univ. Publ., 2013. 110 p.
5. Gertel E. V. Types of mental violence // *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 3 (46), pp. 20–24.
6. Izotova M., Ostrovetskaya Yu. Problems of application of legislation on responsibility for non-violent sexual assaults on minors. *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 4, pp. 15–21.
7. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D., Esakov G. A. [et al.]; Rarog A. I. (ed.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (item-wise). 7th ed., revised and additional. Moscow: Prospekt Publ., 2011. 824 p.
8. Barysheva K. A., Gracheva Yu. V., Dolotov R. O. [et al.]; Esakova G. A. [ed.] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (item-wise). 9th ed., revised. and additional. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 816 p.
9. Popov A. N. On novelties in the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual». *Ugolovnoe pravo*, 2016, no. 2, pp. 72–78.
10. Tsengel S. D. Qualification of violent acts of a sexual nature. Cand. Dis. (Legal Sci.). St. Petersburg, 2005. 220 p.
11. Appeal ruling of the Stavropol Regional Court No. 22-6160/2020 dated 03 Dec. 2020 in case No. 1-16/2020. *Sudakt*. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC>.
12. Obrazhiev K. V. Rules for qualification of crimes and external forms (sources) of their expression. *Obshchestvo i pravo*, 2015, no. 4 (54), pp. 85–92.

Информация об авторе

Н. А. Конорезов – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

N. A. Konorezov – Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.